

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2

2020

А. Ю. Полунов

Народная монархическая инициатива в представлениях консерваторов 1880-х гг. (к истории абиссинской экспедиции Н. И. Ашинова)

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10033

Аннотация: Статья посвящена анализу воззрений российских консерваторов, рассматривавших «простой народ» как основную опору самодержавия и ожидавших проявления народной монархической инициативы в виде того или иного предприятия, определенной формы общественной деятельности. В середине 1880-х гг. многими консерваторами в качестве такого предприятия были восприняты проекты самозванца Н. И. Ашинова (1856–1902), планировавшего создание «Абиссинского казачьего войска» на территории Эфиопии. Умело играя на настроениях консервативно настроенного общества, Ашинов добился поддержки своих планов. Начинание «вольного казака», основанное на фантастических домыслах, окончилось неудачей, однако это не подорвало веру консерваторов в неизбежность проявления народной монархической инициативы. С 1880-х гг. поиск носителей подобной инициативы со стороны правительственных «верхов» обрел фактически непрерывный характер.

Ключевые слова: Н. И. Ашинов, Эфиопия, «вольные казаки», народ, консерваторы, Александр III, К. П. Победоносцев, Н. П. Игнатьев, И. С. Аксаков, архимандрит Паисий (Балабанов).

Об авторе: **Александр Юрьевич Полунов**

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, заместитель декана по научной работе.

E-mail: polunov@sra.msu.ru

Ссылка на статью: Полунов А. Ю. Народная монархическая инициатива в представлениях консерваторов 1880-х гг. (к истории абиссинской экспедиции Н. И. Ашинова) // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 143–152.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2020

Alexander Yu. Polunov

**People's Monarchical Initiative in the Views
of the Conservatives of the 1880s
(on the History of the Abyssinian Expedition of N. I. Ashinov)**

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10033

Abstract: The article is focused on the analysis of views of the Russian conservatives who considered “common people” as the main support of autocracy and waited for the manifestation of people’s monarchical initiative in the form of certain enterprise or a concrete direction of public activity. Some conservatives in 1880s perceived the projects of N. I. Ashinov (1856–1902) who planned to create an “Abyssinian Cossack host” on the territory of Ethiopia as a form of such an enterprise. Skillfully playing on the sentiments of a conservative society, Ashinov got support for his plans. The initiative of the “free Cossack”, based on fantastic speculation, ended in failure, but it did not undermine the faith of the conservatives in the people’s monarchical initiative. Since the 1880s, the search for carriers of such an initiative has become constant.

Keywords: N. I. Ashinov, Ethiopia, “free Cossacks”, common people, conservatives, Alexander III, K. P. Pobedonostsev, N. P. Ignatiev, I. S. Aksakov, Paisii (Balabanov).

About the author: **Alexander Yurievich Polunov**

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: polunov@spa.msu.ru

Article link: Polunov A. Yu. People’s Monarchical Initiative in the Views of the Conservatives of the 1880s (on the History of the Abyssinian Expedition of N. I. Ashinov). *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 2, pp. 143–152.

«Стали витать над побережьем какие-то легенды о вольном казачестве, пришли откуда-то из Абиссинии какие-то мечтания насчет этого самого побережья и сошлись невидимо с мечтаниями о том же самом „Московских ведомостей“. Словом, мечтания, легенды, сказки, проекты, чудеса в решетке ввели над этим берегом» [Успенский, 1938, 139]. Так описывал Г. И. Успенский атмосферу, окружавшую в 1880-е гг. предприятия авантюриста Н. И. Ашинова — попытку вначале создать поселение «вольных казаков» на черноморском побережье Кавказа, а затем проникнуть на территорию Эфиопии (Абиссинии, как тогда говорили) и основать там «Абиссинское казачье войско», дабы защитить африканских христиан от натиска мусульман, европейских колонизаторов и миссионеров. Действительно, проекты Ашинова, несмотря на их явно фантастический характер, получили поддержку видных государственных и общественных деятелей, влиятельных периодических изданий. В широких кругах общества, прежде всего у консервативной его части, эти проекты вызвали настроение, близкое к эйфории. «Россия, всегда чуткая к делу православия, — вспоминал один из участников экспедиции в Эфиопию, — скоро откликнулась на этот призыв, и все заговорили о том, что нужно снарядить миссию в Абиссинию, чтобы она удержалась от напора иезуитов» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 92 (3-е делопроизводство). Д. 598. Т. I. Л. 197 об.].

Несмотря на то, что «вольный казак», согласно позднейшим свидетельствам большинства его соратников, честно предупреждал их о тяготах, которые ждут на пути в африканскую страну, желающих примкнуть к экспедиции оказалось немало. По словам одного из спутников самозваного «атамана», гостиницу в Одессе, где шла в конце 1888 г. запись в экспедицию, «осаждала постоянно разнохарактерная толпа... На улице шла толкотня, во дворе — просто давка. С большим трудом приходилось удерживать массу» [Воспоминания Нестерова. Л. 19–19 об.]. В конечном счете начинание Ашинова, основанное на фантастических предположениях и вымыслах, закончилось неудачей. Попытка ашиновцев по пути в Эфиопию обосноваться на берегу Красного моря была пресечена Францией, считавшей данную территорию своей. Обстрелянные французской эскадрой, «атаман» и его спутники были вывезены в Россию, а основанная было ими «станция „Новая Москва“» прекратила свое существование. Тем не менее эпизод с экспедицией «вольных казаков» не остался в истории России лишь в качестве курьеза, недоразумения. Он стал заметной вехой ее общественной жизни, отразив важные тенденции идейной и духовной эволюции страны в последние десятилетия XIX в.

Говоря об этих тенденциях, нужно прежде всего отметить, что многими консерваторами эпоха 1880-х гг. воспринимались как начало нового этапа в развитии страны, возрождение ее к новой жизни после катастрофических потрясений начала десятилетия, апогеем которых стала гибель Александра II от руки террориста. С началом нового царствования, писал в 1889 г. Александру III его бывший наставник, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, «вся русская земля помолодела и вся устремила очи на царя своего, распознавая в нем черты того идеала, который народ горячо, страстно желает распознать в царе своем» [Письма Победоносцева, 1926, 213–214. Письмо от 11 января 1889 г.]. Важнейшие идеологические мероприятия начала нового царствования были насыщены символикой восстановления порядка, преодоления смуты. Отправляясь в свое первое после воцарения путешествие по стране, Александр III летом 1881 г. посетил города Поволжья, связанные с памятью о событиях начала XVII в. — преодолении династического кризиса и восшествии на престол династии Романовых. К памяти о событиях Смутного времени, успешно разрешенном кризисе отсылали и детали коронационных церемоний в мае 1883 г. — исполнение хора «Славься» в Кремле и представление оперы «Жизнь за царя» в рамках послекокоронационных торжеств [Уортман, 2004, 288–289, 300, 310].

Восстановление политической стабильности после катастрофических потрясений, грозивших, как казалось многим, гибелью монархии, воспринималось консервативно настроенными современниками едва ли не как чудо. Важнейшим компонентом этого чуда являлась позиция «простого народа» — основной массы

населения, сохранившей верность самодержавию и не пошедшей за революционерами. Именно «простые люди», далекие от официальных «верхов», теперь зачастую стали восприниматься в качестве наиболее надежного оплота монархии. Царю, писал знаменитый публицист-славянофил И. С. Аксаков через 10 дней после цареубийства, надо переехать в Москву, ибо именно здесь «окружит его народ твердым, несокрушимым, как он сам, оплотом... круговую порукой всей земли» [Русь. 1881. 10 марта]¹. Настроения народа противопоставлялись поведению образованных слоев — интеллигенции и бюрократии, оторвавшихся от национальной почвы и утративших связь с традиционными идеалами. «Посреди множества диких явлений в так называемой интеллигенции, — писал в марте 1881 г. Победоносцев Александру III, описывая реакцию народа на цареубийство, — одно утешительно видеть и чувствовать — как народ (который иные готовы назвать лишь неразумной массой) относится к великому народному бедствию» [Письма Победоносцева, 1925, 321. Письмо от 22 марта 1881 г.].

«Вы не видели, — сообщал обер-прокурор своему бывшему воспитаннику два с лишним года спустя, в разгар коронационных торжеств, — сколько слез пролито на пути вашем, и сколько было сердечных молитв, которые лились из простых душ. Душа нашего народа — великое сокровище и великая сила, которой не понимают, к сожалению, многие, хотя и добрые, люди, ходящие в раззолоченных мундирах» [Письма Победоносцева, 1926, 32. Письмо от 10 мая 1883 г.]. Ссылки на народ, на предположительно разделяемые им консервативные идеалы, непонятные многим представителям образованных «верхов», станут в начале 1880-х гг. расхожим приемом в политической борьбе. Этот прием, в частности, Победоносцев успешно использовал на заседании Совета министров 8 марта 1881 г., когда был фактически сорван выдвинутый министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым план созыва умеренного представительства с включением в него депутатов от земств и городских дум. Представителям образованного общества, заявлял обер-прокурор, прежде чем претендовать на власть, надо «многому научиться» у простого народа, прежде всего его преданности монархии, смирению, верности традициям [Перетц, 1927, 38. Запись от 8 марта 1881 г.].

Весь период начала 1880-х гг. был отмечен попытками различных государственных и общественных деятелей институционализировать возможные проявления народной охранительно-монархической инициативы, положить их в основу деятельности какого-либо учреждения, придать им устойчивый, постоянный характер. Важнейшие из таких попыток были связаны с деятельностью преемника Лорис-Меликова — известного дипломата, сторонника славянофильских взглядов Н. П. Игнатьева, продвинутого на пост министра благодаря усилиям Победоносцева и во многом вдохновлявшегося идеями Аксакова. Стремясь повысить эффективность действий полиции по борьбе с революционным подпольем, Игнатьев, в частности, предложил создать артели из дворников и швейцаров для наблюдения за жителями Петербурга. Весной 1882 г. министр внутренних дел выдвинул проект созыва Земского собора, значительную часть которого должны были составить депутаты от крестьянства и близких к нему по воззрениям слоев населения — духовенства, патриархального купечества [Зайончковский, 1969, 383, 455]. «Здравый смысл и исторический инстинкт русского народа восторжествует над всеми кознями», хотя «для петербургского либерала-чиновника мысль (о созыве собора. — А. П.) не может быть сочувственна», — уверенно заявлял Игнатьев, обосновывая свой проект [Игнатьев, 2000, 108]. В конечном счете планы министра не были реализованы — проектируемый им собор все же слишком сильно напоминал западноевропейский парламент, а сам он в мае 1882 г. лишился должности. Тем не менее в среде консерваторов по-прежнему были распространены представления о том, что именно простой народ является наиболее надежной опорой самодержавия. Ожидалось, что произойдет событие или явится

¹ Цит. по: [Дудзинская, 1994, 251].

лицо, благодаря которым народную монархическую инициативу удастся воплотить в жизнь в формах, способных укрепить монархию, не противоречащих принципам самодержавного строя.

Ашинов, который начал появляться в столичных общественных организациях, салонах, редакциях газет и журналов с конца 1883 г., в полной мере учел настроения, распространенные в среде консервативно настроенной публики². Всем своим поведением он подчеркивал непричастность к испорченному, как полагали многие консерваторы, высшему обществу, причем делал это ярко, с вызовом, с элементами карнавала и театрализации. Бывая в общественных местах, он, по свидетельству современников, «звал холопскими полуименами государственных людей», «охлопывал по плечам приближавшихся к нему за трапезами генералов», хватал куски с чужих тарелок под предлогом того, что «боится отравы», «стал ходить в любые часы к министрам и настойчиво добиваться свидания с ними, поднимая при отказе шум и крик». По-видимому, именно такого поведения и ждали в тех кругах, где появлялся самозванный «атаман», поскольку он сразу обрел немалую популярность. Как отмечал Н. С. Лесков, бывший свидетелем описываемых событий, поведение самозванца «не конфузило людей, очень чутких к приличиям, а, напротив, придавало значительности г-ну Ашинову», которого «пошли возить в каретах и передавать с рук на руки, любясь его весьма замечательными невежествами, какие он производил с безрассудством дикаря или скверно воспитанного ребенка» [Лесков, 1992, 159–160].

Будучи причастен к образованному обществу, «вольный казак», тем не менее, тщательно изображал из себя человека, никак не связанного с высокой культурой — говорил нарочито простонародным языком, писал письма с многочисленными грамматическими ошибками. «Ехал к немцам и был у них в Берлине и в Вене полная ненавесь питают они к нам, — писал Ашинов одному из своих покровителей, митрополиту Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому) из заграничной поездки в 1887 г. — Есть у них несколько миссионерских школ, где приготавливают для распространения своего злого учения... и для этого учат здесь наших немцев в колонках (колониях. — А. П.)» [РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 517. Л. 6 об.]³. Малограмотность или даже безграмотность, которые Ашинов приписывал себе, должны были стать своего рода гарантией его неразрывной связи с простым народом. Следует отметить, что в среде консерваторов отсутствие образования подчас расценивалось едва ли не как достоинство. Так, Победоносцев, много сделавший для поддержки экспедиции «вольных казаков», воспевал в своих сочинениях «простых, малограмотных людей, поражающих умом и способностями», заявлял, что «иной крестьянин, едва умеющий читать и писать, обладает в среде своей достоинством и умением», поскольку «не проходил начальной школы рационализма и критики» [Победоносцев, 1996, 216]⁴.

² Происхождение и детали биографии «вольного казака» до сих пор вызывают вопросы. По данным современного исследователя А. В. Луночкина, Н. И. Ашинов (1856–1902) был сыном разбогатевшего крестьянина, в прошлом крепостного, владевшего имением в окрестностях Царицына. Учился в Саратовской гимназии, но не закончил ее. Возможно, имел родственников среди терских казаков и сам бывал на Тереке, где и проникся мыслью придать своим предприятиям казачий антураж. Согласно полицейской справке, составленной после провала экспедиции Ашинова, он значился «царицынским купеческим сыном» и якобы окончил курс в Николаевском кавалерийском училище [Луночкин, 1999, 9–12; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 92 (3-е дело-производство). Д. 598. Т. I. Л. 13].

³ Заграничное путешествие Ашинова было связано с подготовкой экспедиции в Эфиопию: «вольный казак» стремился заручиться поддержкой французских националистических кругов, заинтересованных в сближении с Россией. «Злое учение», упоминаемое в письме, — это религиозные течения протестантского толка (штундизм, «пашковщина»), распространение которых в России нередко связывалось с шедшей из Германии пропагандой.

⁴ Ср.: «Утверждаю, что русский народ в отношении знаний, просвещения — младенец, — заявлял, по воспоминаниям одного из современников, обер-прокурор. — И пусть: что может быть прелестнее, завиднее невинного, неиспорченного младенца!» [Либрович, 1916, 318].

Носители лучших качеств простого народа, «вольные казаки», которых якобы представлял Ашинов, именно благодаря своей простоте могли помочь государству в решении застарелых внешнеполитических проблем, перед которыми спасовала официальная дипломатия. Собеседники с удивлением узнавали от «атамана», что его соратники уже проживают в значительном количестве в стратегически важных регионах Ближнего Востока — от Судана до Афганистана и Месопотамии — или способны быстро утвердить там свое влияние на благо России. «Коли царь клич кликнет, — заявлял самозванец относительно возможного вторжения в Афганистан, — то пройдет немалая сила... и где пройдем, там чисто будет». Даже отдаленная Эфиопия должна была в недалеком будущем стать едва ли не частью Российской империи. «Скоро населим тамошнюю землю многими тысячами русских людей», — сообщал Ашинов Александру III [Панаев, 1906, 426, 432]. Ожидалось, что «вольные казаки» благодаря энергии и напору, руководствуясь чутьем и здравым смыслом, добьются успеха там, где потерпела неудачу бюрократия Министерства иностранных дел, слишком связанная дипломатическими условиями и необходимостью учитывать пожелания «европейского концерта». Однако роль, которую соратники «атамана» были призваны сыграть в жизни России, не ограничивалась их деятельностью на международной арене, имела и более глубокий смысл.

Община, от имени которой выступал Ашинов, до известной степени рассматривалась как основа оздоровления внутренней жизни России, воспринималась как носительница качеств, которые, будучи привнесены в жизнь русского общества, способствовали бы его перерождению, развитию на новых началах. Проживая в глухих, малоизвестных местах, в отдалении от центров цивилизации, «вольные казаки» в своей среде сохранили качества, обладавшие высокой ценностью в глазах сторонников охранительных начал. Они были чужды бюрократизма и юридического крючкотворства, которое так раздражало многих консерваторов в пореформенной России, поддерживали порядок в своей среде без сложных административных механизмов. «У нас ни кассиров, ни счетчиков, ни шнуровых книг нет, — описывал Ашинов в письме к Александру III уклад в „станции «Николаевская»“, якобы основанной им на черноморском побережье Кавказа, — потому что мы люди малограмотные и боимся таких порядков. У нас денежные дела ведутся по совести, теми людьми, которым такие дела поверяют» [Панаев, 1906, 431].

Своим сторонникам, изъявлявшим желание следовать за ним сначала на Кавказ, затем в Эфиопию, «атаман» обещал, что жизнь в новых общинах будет организована «на старинном казачьем праве». При этом имелись в виду не реальные основы существования казачьих войск в Российской империи конца XIX в., а, скорее, идеализированные представления о нормах жизни времен Ермака и Степана Разина: социальное равенство, натуральный характер хозяйства, общность имущества. Поселенцам в Эфиопии, заявлял Ашинов, не будут платить жалования, но каждый из них получит земельный надел, который и станет источником его существования. В «Черноморском казачьем войске», создание которого «атаман» задумывал до путешествия в Эфиопию, все излишки, по замыслу Ашинова, должны были принадлежать станичным обществам в целом, «а не раздельно и отнюдь не эксплуататорам», дабы избежать имущественного расслоения [Воспоминания Нестерова. Л. 8; Луночкин, 1999, 19]. Непотъемлемой чертой уклада жизни в новых казачьих общинах должно было быть традиционное благочестие и демонстрация безоговорочной преданности царю. В «станции „Новая Москва“», основанной ашиновцами на берегу Красного моря, в походной церкви утром и вечером шло богослужение по монастырскому уставу, «казаков» после высадки на берег привели к присяге на верность царю, в один из церковных праздников было торжественно освящено знамя, якобы подаренное Ашинову городом Москвой [Абиссинская миссия, 1889, 37–39].

Пребывая в мире традиционных представлений о государственной власти, «вольные казаки», как предполагалось, искренне верили, что каждый простолюдин может непосредственно обратиться к царю, а тот, на основании подобного обращения, может

посредством личного вмешательства решить самые сложные проблемы. «Атаман» изо всех сил эксплуатировал этот стереотип, забрасывая монарха сообщениями о своих предприятиях и усиленно добиваясь встречи с ним (что ему так и не удалось). «За все Тебе, Великий Государь, отслужим и умрем с честью за тебя и за Россию и не посрамям имени Русского и Бог даст Твоя Царская корона увенчается еще драгоценным царским камнем и жемчугом для славы России», — с пафосом писал Ашинов, обращаясь к Александру III через митр. Исидора [РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 518. Ч. 2. Л. 4–4 об.]. Неотъемлемым аспектом права на личное обращение к царю и его ближайшим советникам являлась в глазах «атамана» возможность критиковать правительственных бюрократов, виновных, по его мнению, в предательстве национальных интересов, пренебрежении к истинным потребностям монархии и церкви. «Разве это верные слуги Царя и России, что по-нашему казачьему называется не министры, а изменники, и которых следует казнить, кто добра России не желает, а с ней и помазаннику Божьему Царю Нашему», — писал Ашинов Победоносцеву в конце 1888 г. относительно руководства Министерства иностранных дел [РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 518. Ч. 2. Л. 17 об.–18].

В целом, все характерные черты манер, облика, образа действий Ашинова должны были способствовать восприятию его проектов как подлинно народного начинания, выражения той исходящей из низов общества монархической инициативы, проявления которой так долго ожидали консерваторы. Под стать «атаману» были и многие из его соратников, среди которых выделялся архим. Паисий (Балабанов), возглавлявший духовную миссию в составе ашиновской экспедиции. Простолудин по происхождению (из оренбургских казаков), архим. Паисий долгие годы возглавлял подворье Афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря в Константинополе и получил широкую известность благодаря своим заботам о проезжавших через столицу Османской империи пилигримах. Будущий соратник Ашинова, по воспоминаниям современников, умел организовать «прием и уход для каждого русского, особенно для простого серого нашего паломника». Практическая сметка, природный ум и жизненный опыт, по мнению поклонников о. Паисия, искупали такой его недостаток, как полное отсутствие образования [Затекин, 2014, 21]. Беседуя с архим. Паисием и Ашиновым, получая информацию о них из газет и журналов, многие консервативно настроенные люди действительно могли поверить, что планируемые им начинания внесут некие новые начала в жизнь России, будут способствовать прочному утверждению в ней охранительных принципов. Каковы же были последствия предприятий «вольного казака»? Каково было их значение для дальнейшей эволюции консервативной общественной мысли, прежде всего, той ее части, которая связывала судьбы «старого порядка» с настроениями и действиями простого народа?

Отвечая на эти вопросы, необходимо еще раз подчеркнуть, что первоначально появление Ашинова, контрастно выделявшегося на фоне высшего общества, привлекавшего своей кажущейся неординарностью, было с энтузиазмом встречено целым рядом общественных и государственных деятелей. «Он представляет из себя замечательный тип, до сего никогда мной не виданный, — писал об „атамане“ инженер и предприниматель В. А. Панаев высокопоставленному сановнику, командующему Главной императорской квартирой О. Б. Рихтеру. — Я подметил в нем необыкновенную удаль, замечательный здравый смысл, ясный взгляд на вещи, настойчивость в достижении цели» [Панаев, 1906, 425]. Разумеется, многие представители «верхов», с которыми доводилось общаться «вольному казаку», спешили заявить, что авантюристический характер его начинаний был им абсолютно ясен и они сотрудничали с ним исключительно из прагматических соображений. Однако в глубине души они, похоже, все же надеялись, что у ашиновских проектов есть какая-то серьезная основа. При этом были и люди, которые доверяли самозванцу практически безоговорочно — к их числу, в частности, относился И. С. Аксаков. Говоря об «атамане», московский публицист, по словам хорошо знавшего его дипломата Ю. С. Карцова, всякий раз «широко улыбался и лицо сияло воодушевлением». «Подумаешь, — восклицал Аксаков, — чего только не сделает Петербург, чтобы широкую русскую натуру

втиснуть в казенные рамки, а она возьмет, да в чем-нибудь себя и скажет... Чего только не совершит русский человек, когда над ним не тяготеет гнет петербургской казенщины?» [Карцов, 1906, 2007, 2013].

Опираясь на поддержку государственных и общественных деятелей, поверивших в его проекты, Ашинов сумел довольно далеко продвинуться в реализации своих начинаний. Благодаря Панаеву атаман познакомился с Рихтером и главным-управляющим гражданской частью на Кавказе А. М. Дондуковым-Корсаковым, а затем с М. Н. Катковым, Победоносцевым, Игнатьевым и Аксаковым. Контакты с этими людьми позволили «атаману» начать в 1884 г. деятельность по созданию «Черноморского казачьего войска». В 1885 г. «вольный казак» переключился на организацию экспедиции в Эфиопию, и здесь ему помогло знакомство с генеральным консулом в Каире М. А. Хитрово, товарищем Аксакова по Училищу правоведения, активистом Славянского благотворительного общества генералом А. А. Киреевым, морским министром И. А. Шестаковым. В 1888 г. Ашинову позволили открыть сбор средств на экспедицию в Эфиопию и начать вербовку ее участников, снабдили его оружием, позволили ашиновцам отплыть из Одессы без оформления заграничных паспортов, под видом переселенцев на Дальний Восток. Казалось, замыслы «вольного казака», в которые он, похоже, сам искренне начал верить, были близки к осуществлению. Однако в конечном счете они закончились неудачей, ярко выявившей утопичность их идейной подосновы.

При всем желании сторонников охранительных начал, рассматривавших простой народ как главную опору самодержавия, дожидаться проявления народной инициативы в монархическом духе, сама возможность подобной инициативы — по крайней мере, в той форме, которую представляли себе консерваторы конца XIX в., — была иллюзией. Никаких «вольных казаков», представляемых Ашиновым как идеальных носителей лучших качеств простого народа, разумеется, в природе не существовало. Для заселения черноморского побережья Кавказа «атаману» пришлось вербовать крестьян Полтавской губернии. Создать новое казачье войско в итоге так и не удалось. Еще более неприглядная ситуация сложилась в период подготовки эфиопской экспедиции. Ашинов попытался сплотить вокруг себя круг людей, хоть в какой-то степени связанных общими идейными замыслами. Однако в конечном счете значительную часть его спутников составили обычные одесские босяки, набранные непосредственно перед отплытием. «Я часто задавался вопросом, — вспоминал впоследствии один из соратников „атамана“, — что собрало эту толпу? Что двигало ее в далекий неведомый край, в неизвестное ей предприятие?» По мнению автора мемуаров, основная масса участников экспедиции «состояла из людей без роду и племени, не связанных ни к родине, ни к месту, без всяких почти нравственных принципов, самых отчаянных авантюристов, готовых на все» [Абиссинская миссия, 1889, 30].

Понятно, что поддерживать порядок в среде такого рода людей было практически невозможно, особенно в условиях постоянных заявлений Ашинова о том, что участники экспедиции вскоре получат статус «вольных казаков» и на них не распространяется действие обычных законов. Уже на российских пароходах, доставлявших ашиновцев к местам промежуточных стоянок в Александрии и Порт-Саиде, началось пьянство, воровство и драки. Участники экспедиции, по словам одного из спутников Ашинова, «понятие о вольном казаке соединяли с неограниченной свободой действий и меры умеренности и порядка признавали произволом и стеснением» [Воспоминания Нестерова. Л. 56]. Разгульное поведение продолжилось на австрийском корабле, который должен был доставить «казаков» непосредственно на берег Красного моря. Следует заметить, что с какого-то момента сам «атаман», чувствуя, что власть ускользает из его рук, сам начал поощрять подобные действия, тем более что они отчасти соответствовали стереотипам поведения, которые приписывались наследникам Ермака и Степана Разина. «Что тут туман пускать, просто будем заниматься грабежом», — якобы заявлял время от времени Ашинов своим спутникам [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 92 (3-е делопроизводство). Д. 598. Т. I. Л. 346 об.].

Поняв в ходе движения экспедиции к месту назначения, что ситуация становится все более неуправляемой, «атаман» после высадки на берег Красного моря попытался резко изменить линию поведения — начал применять меры строгости, грозить спутникам наказаниями, заявлять им, что у него на всех «веревки и пули хватит» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 92 (3-е делопроизводство). Д. 598. Т. I. Л. 223 об.]. Однако изменить положение дел было уже невозможно. Из основанной ашиновцами «станции „Новая Москва“» началось бегство в соседнюю французскую колонию Обок, властям которой беглецы жаловались на царившие в «станции» насилия и беспорядки. Французы, давно с неудовольствием смотревшие на то, что творилось в общине выходцев из России, потребовали от «атамана» очистить территорию. После того как Ашинов ответил отказом, французская эскадра обстреляла «станцию» и принудительно вывезла ашиновцев с берега Красного моря.

Разгром экспедиции «вольных казаков» привел к тому, что ореол подлинно народного предприятия, окружавший начинания Ашинова, стал быстро рассеиваться. Те аспекты данных начинаний, которые раньше казались проявлением здорового народного духа, свободного от сковывающего влияния бюрократии, теперь стали трактоваться как странная эксцентричность, грозившая непредсказуемыми последствиями и недопустимая в благоустроенном обществе. «Глупейшая экспедиция и жалкая смехотворная духовная миссия с неграмотным мужиком Паисием во главе!» — начертал Александр III на отчете о следствии по делу Ашинова, уничижительно отозвавшись о предприятии, которое поддерживал его воспитатель Победоносцев и которое у него самого долгое время не вызывало отрицательных эмоций [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 92 (3-е делопроизводство). Д. 598. Т. I. Л. 382]. Ориентируясь на настроения суверена, близкий к царю В. П. Мещерский в своем издании «Гражданин» заклеил организаторов экспедиции, подчеркнув лежащую на них вину «по выбору полуживя Ашинова, безграмотного монаха Паисия». «Боже праведный, — воскликнул князь, — если в столице русского царства и у кормила православной церкви мыслимы такие случайности, которые ставят Россию в возможность столкновения с другими государствами»⁵.

Неудача предприятия, которое должно было дать начало едва ли не новой эпохе в государственной и общественной жизни России, для Ашинова обернулась провалом всех его планов. Власти не простили «вольному казаку» крушения надежд, которые они связывали с проявлением в его лице здоровой народной инициативы в монархическом духе. В политику и общественную жизнь «атаману» уже не позволили вернуться. Отданный под надзор полиции с запретом выезда из страны, не находя выхода своей кипучей энергии, Ашинов в конце концов психически заболел и умер в 1902 г. Архим. Паисия церковные власти, продолжавшие верить в его практическую сметку, отправили после возвращения с берегов Красного моря восстанавливать один из полуразрушенных монастырей на Кавказе, однако и это предприятие окончилось неудачей. Архим. Паисий закончил свою жизнь на покое в Нижегородском Печерском монастыре, продолжая, впрочем, привлекать к себе симпатии богомольцев-простолюдинов [Сообщения ИППО, 1908, 295]. Вместе с тем факторы, побуждавшие представителей консервативной части верхов возлагать надежды на хранившиеся в среде простого народа охранительные начала, продолжали действовать. Начинания Ашинова оказались одним из первых крупных проявлений тенденции, которая отныне обрела устойчивый характер. Поиски носителей народной монархической инициативы со стороны правительственных «верхов» велись теперь практически непрерывно. Особо выраженный характер эти искания обретут в царствование Николая II, отмеченные концентрацией вокруг трона многочисленных советников из народных и в целом небюрократических кругов.

⁵ Цит. по: [Ламздорф, 1926, 168. Запись от 8 марта 1889 г.].

Источники и литература

1. Абиссинская миссия (1889) — Абиссинская миссия архимандрита Паисия и Н. И. Ашинова. Рассказ участника экспедиции Л. Николаева. Одесса, 1889.
2. Воспоминания Нестерова — Воспоминания об Ашиновской экспедиции бывшего есаула в экспедиции капитана Нестерова // Институт восточных рукописей (Санкт-Петербург). Архив. Разряд III. Оп. 3. Д. 36(1).
3. ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 92 (3-е делопроизводство). Д. 598. Т. I.
4. Дудзинская (1994) — *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в пореформенной России. М.: ИРИ РАН, 1994.
5. Зайончковский (1969) — *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М.: Изд-во Московского университета, 1969.
6. Затекин (2014) — *Тихон (Затекин), архим.* Отец Паисий и русская миссия в Абиссинии // Иерусалимский вестник Императорского Православного Палестинского общества. 2014. Вып. 5–6.
7. Игнатъев (2000) — *Игнатъев Н. П.* Земский собор. СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2000.
8. Карцов (1906) — *Карцов Ю. С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886 гг. Воспоминания политические и личные // *Море*. 1906. № 35.
9. Ламздорф (1926) — *Дневник В. Н. Ламздорфа*. 1886–1890. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.
10. Лесков (1992) — *Лесков Н. С.* Неоцененные услуги. Отрывки из воспоминаний // *Знамя*. 1992. № 1.
11. Либрович (1916) — *Либрович С. Ф.* На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. М.; Пг.: Изд. Т-ва М. О. Вольф, 1916.
12. Луночкин (1999) — *Луночкин А. В.* «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 1999.
13. Панаев (1906) — Из воспоминаний В. А. Панаева // *Русская старина*. 1906. № 11.
14. Перетц (1927) — *Дневник Е. А. Перетца*. М.; Л.: Госиздат, 1927.
15. Письма Победоносцева (1925) — Письма Победоносцева к Александру III. М.: Новая Москва, 1925. Т. I.
16. Письма Победоносцева (1926) — Письма Победоносцева к Александру III. М.: Новая Москва, 1926. Т. II.
17. Победоносцев (1996) — *Победоносцев К. П.* Плоды демократии в начальной школе // *Победоносцев К. П.* Сочинения. СПб.: Наука, 1996.
18. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 205. Д. 517; Д. 518.
19. Сообщения ИППО (1908) — Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1908. Т. XIX. Вып. 2.
20. Уортман (2004) — *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004.
21. Успенский (1938) — *Успенский Г. И.* <Наброски об Ашинове и Буланже> // Глеб Успенский. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.